

Юрий НИКУЛИН,

народный артист СССР

— В жизни все перемешано... так и хочется добавить: как в хорошем кино. Но так было и на фронте, потому что трагическое и комическое, грустное и смешное сопровождало всех нас и на войне.

Когда речь заходит о военной поре, я чаще всего вспоминаю 14 января 1944 года — день, когда войска Ленинградского фронта перешли в наступление. Я был командиром отделения разведки зенитной батареи, которая била и по авиации противника, и по наземным целям...

Едва рассвело, началась наша артподготовка. Я не писатель, я не берусь описывать то, что творилось «на том берегу». Час бушевал этот ураган. Потом наступила мертвая тишина — и «кура»: нехотя перешла в атаку...

Наше наступление было столь стремительным, что Московское шоссе, по которому мы двигались, скоро оказалось забитым военной техникой. Счастье еще, что стоял туман и авиация не действовала, но наш командир понимал: скоро может начаться артобстрел «пробки»; он приказал отвести батарею на полкилометра в сторону от шоссе.

Мы остановились на позициях, откуда только что бежали гитлеровцы. Около блиндажа лежал убитый фашистский солдат, каски на голове не было, рыжие волосы разметались по грязной тайге земле. Рядом валялась сумка и — веером — фотографии: он с девушкой, с родителями — еще в штатском... в парикмахерской, где его стригут наголо... уже в солдатской форме... на учениях... в момент награждения «железным крестом»... И странно «монтажировался» с фотографиями финал — мертвый... По сути, перед нами был документальный фильм огромной силы...

Мы вошли в блиндаж, разложили на столе еду — и вдруг на стол прыгнула серая мышка; совершенно не боясь нас, она поднялась на задние лапки и стала просить есть — как в цирке: видно, ее приучили к этому.

Мой приятель, разведчик Вася Петухов, увидев мышь, схватил автомат и замахнулся, чтобы ее пристукнуть; я буквально повис у него на руках:

— Что ты, Вася?

— Да это же фашистская мышь!

— Вася, откуда здесь взялся фашистским мышам?!

Это наша...

Мышь поела и юркнула в свою нору, мы тоже поужинали и легли спать. Ночью гитлеровцы стали бить по шоссе из дальнобойных орудий — через два дня наступления мы добрались и до них. То были громадные осадные орудия, которые обстреливали Ленинград, калибр их оказался столь большим, что в жерло такой пушки спокойно мог влезть человек.

Меня всегда было трудно разбудить, и лейтенант Любимов, приказав немедленно покинуть блиндаж, крикнул:

— Выносите Никулина!

Меня выволокли и привели в чувство. Едва мы отбежали, блиндаж взлетел на воздух — прямое попадание...

Ю. Никulin в фильме «Двадцать дней без войны»

А в «пробку» на шоссе ни один снаряд до утра так и не попал. Видно, по Ленинграду стрелять было легче — мишень куда больше...

В тот же день мы тянули трактором прицеп со снарядами и напоролись на противотанковую мину. Раздался взрыв, трактор перевернуло, водитель упал на меня. У меня по виску, чувствуя, потекло что-то теплое и густое. Думая: «Моя кровь или его?» Тронул рукой, поднес к глазам — масло. Два дня я ничего не слышал — приказания мне писали в блокнот, боялся, совсем оглохну, потом отошел, себе и всем на удивление. Ребята удивлялись еще, что прицеп со снарядами не взорвался. А водитель — жив-здоров; до сих пор пишет мне из Эстонии приятель мой Вася Аверкиев...

Но несмотря на все то, что довелось тогда пережить, весь день у меня было приподнятое, ликующее, праздничное настроение — наконец-то начали наступать!

Конечно, я любил свою батарею и, чего скрывать, считал ее родной и особой. Но, как правильно замечено в записках Л. И. Брежнева «Малая земля», все считали свои части и родными, и особыми: «...из «особых» частей состояла вся наша армия».

Военный опыт очень помогал мне, когда я участвовал в фильмах, непосредственно связанных с этим временем, — «Они сражались за Родину» С. Бондарчука и «Двадцать дней без войны» А. Германа. Истини ради надо заметить, что у нас есть картины, снятые людьми не воевавшими, но правдиво воссоздающими события той поры.

Меня всегда трогало, когда молодой режиссер Алексей Герман спрашивал на съемке: «А как было на войне, Юрий Владимирович?» Я понимаю это так: рассказать, «как было на войне», — наш прямой долг...

Ю. Никulin, 1978, 22 декабря